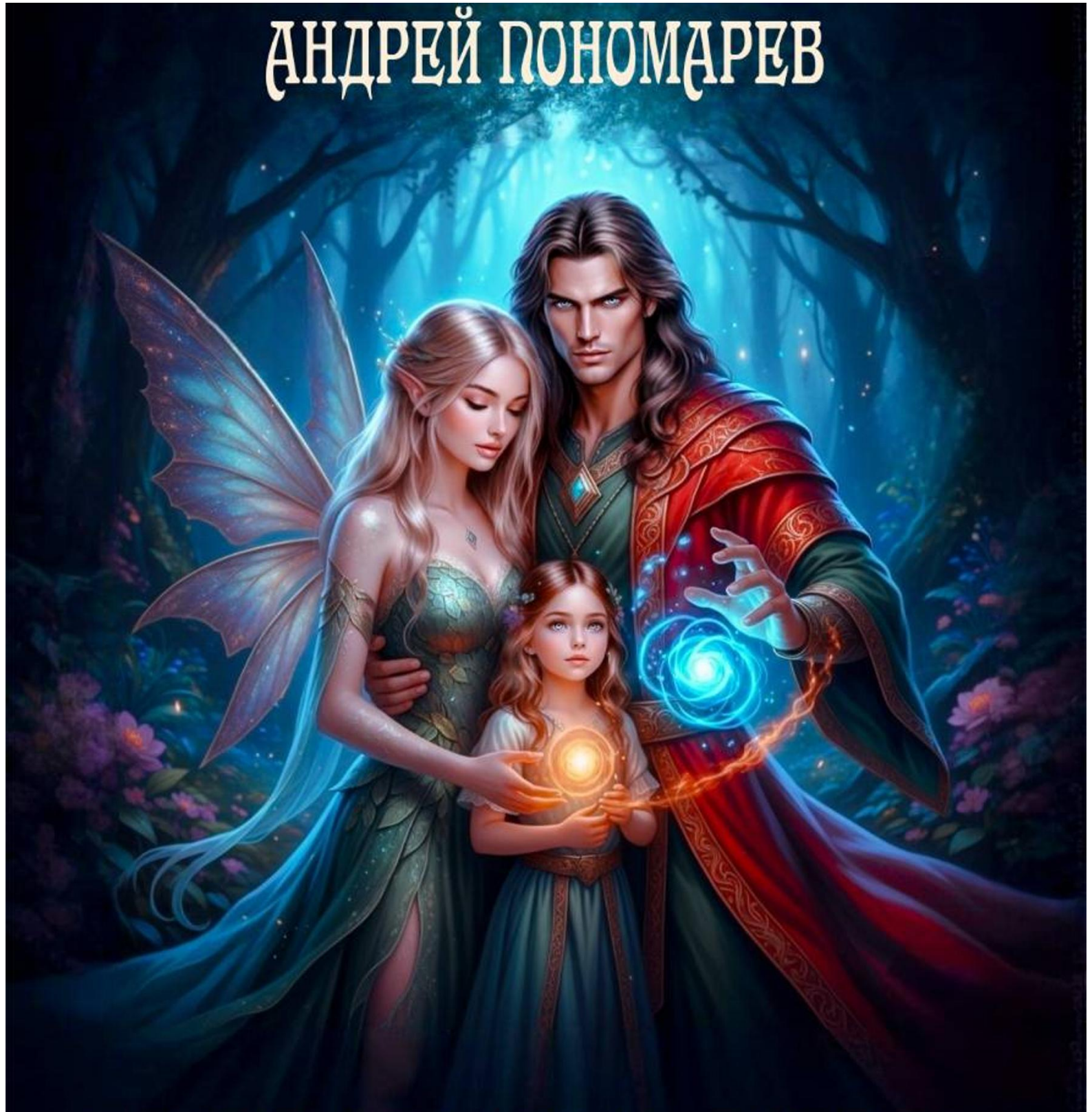

АНДРЕЙ ПОНОМАРЕВ

ЧИСТИЛЬЩИК МИРОВ

КНИГА 3

ФЕЙРИ

Чистильщик миров

Андрей Пономарев

Чистильщик миров - 3

«Автор»

2026

Пономарев А. В.

Чистильщик миров - 3 / А. В. Пономарев — «Автор»,
2026 — (Чистильщик миров)

Он – санитар мультивселенной. Его работа – зачищать миры, угрожающие друг другу. Но когда масштабная аномалия ставит под удар саму реальность, кто-то должен выйти за пределы своих обычных задач. Увлекательный приключенческий роман о героизме, долге и столкновении с силами, способными уничтожить всё сущее.

Содержание

Глава 1 Дверь под камнем	5
Глава 2. Метка под кожей	16

Андрей Пономарев

Чистильщик миров - 3

Глава 1 Дверь под камнем

Ночь не ушла из Туманной Пяди вместе с рассветом. Она лишь отступила чуть дальше — к оврагу, к рощице за полем, к чёрному камню со стёртыми знаками, под которым что-то ждало. Утренний свет был серым, слабым и холодным, как вода в забытом колодце. Он не разгонял мрак, а только делал его видимым.

Юлий не спал. Когда первые полосы блеклого света легли на оконное стекло, он всё ещё сидел за столом в старом доме писаря, положив меч поперёк колен. Свечи давно прогорели наполовину, воздух в комнате пропитался воском, уксусом и гарью от сожжённой ночной твари. На столе, под двумя слоями ткани и серебряной нитью, лежала тёмная пластина — маленький ключ к большой беде.

Он поднялся лишь тогда, когда за стеной слышались первые человеческие шаги. Ночь дала ему достаточно. Подмена голосов. Попытка дотянуться до пластины. Отклик из-под земли. И главное — подтверждение того, что под камнем действительно не просто очаг скверны. Там было нечто иное. Старое. Запертое. И уже потревоженное.

Юлий убрал записи в сумку, проверил футляр с пластиной, обновил печать на крышке и только потом снял засов.

На пороге его уже ждал староста. Вид у того был такой, будто он сам этой ночью не ложился: глаза покраснели, щёки осунулись, борода была плохо приглажена. Но в движениях появилась новая собранность. Страх никуда не делся, просто теперь у него появилось направление.

— Ну? — спросил староста тихо. — Выглядишь так, будто ночь была поганая.

— Была, — спокойно ответил Юлий. — Но полезная.

— Оно приходило?

— Да.

Староста несколько секунд молчал, потом криво усмехнулся.

— Я уже и не знаю, на какой ответ надеялся.

Юлий вышел на крыльцо. Утро встретило его влажным холодом. Над двором гарнизона стоял низкий туман, не такой плотный, как у оврага, но всё равно неприятный. Люди уже не спали: двое солдат таскали воду, кто-то у конюшни проверял сбрую, у кухни курился дым. Однако говорили все вполголоса, и каждый второй поглядывал в сторону окраины деревни.

— Собери мне трёх человек, — сказал Юлий. — Не самых храбрых — самых дисциплинированных. Чтобы делали ровно то, что сказано. Один пусть несёт воду, второй — инструменты, третий — следит, чтобы никто посторонний не подошёл близко.

— Уже готово, — ответил староста. — Я на всякий случай распорядился ещё до рассвета.

Юлий коротко кивнул.

— Егор?

— Тоже здесь. Упрямится, хочет идти с вами.

— Пойдёт. Но будет стоять за контуром.

Староста замялся.

— И ещё... бабка Варна просила передать, что если ты всё-таки полезешь к камню, то сперва должен «разбудить соль, а не железо».

Юлий бросил на него быстрый взгляд.

— Это дословно?

— Ага. Только я не понял, что она несёт, а она меня клюкой чуть не прибила и велела сказать слово в слово.

— Значит, не зря дожила до своих лет, — пробормотал Юлий.

Он ненадолго посмотрел в сторону рощи. Даже отсюда, через дома и двор, чувствовалось направление беды — как если бы в земле поселился незримый холодный ток.

— Выходим через четверть часа.

Людей староста подобрал и правда удачно. Первым был Егор — бледный, невыспавшийся, но уже не трясущийся так, как вчера. Вторым — широкоплечий гарнизонный солдат по имени Ратмир, молчаливый и, судя по лицу, привыкший не задавать лишних вопросов. Третьим — молодой деревенский мужик Фома, сухой, быстрый, с нервным взглядом, но твёрдыми руками. Именно ему достались мешки с солью, кувшин с освящённой водой из гарнизонного запаса и деревянный ящик, куда Юлий сложил серебряные штыри, очищающие пластины, мел и две небольшие стеклянные ампулы с янтарной жидкостью.

Староста шёл сам.

— Вы с нами не обязаны, — сказал ему Юлий, когда они подошли к воротам.

— Обязан, — просто ответил тот. — Если это моя деревня, то и стоять я должен там же, где решается её судьба.

Юлий спорить не стал.

Дорога к оврагу при дневном свете выглядела ещё мрачнее, чем вчера. Теперь были видны все мелочи: серые проплешины в траве, вздувшаяся земля возле южного колодца, потемневшие листья на кустах, будто их прихватило не морозом, а болезнью. Деревня жила, но уже дышала не в полную силу.

Когда они миновали последние дома, Варна окликнула их со своего двора. Старуха стояла у калитки, закутанная в шерстяной платок, и казалась такой маленькой на фоне сырого утра, что её голос прозвучал почти неестественно резко:

— Эй, чистильщик!

Юлий остановился.

— Что ещё?

Старуха прищурилась.

— Если земля под камнем пойдёт дышать — не бей в центр.

— Почему?

— Потому что центр только и ждёт, чтобы в него полезли, — огрызнулась она. — Сначала режь края. Всегда края. Так язву чистят, так и печать держат.

Юлий задержал на ней взгляд чуть дольше. Она не знала магической теории. Но кто-то когда-то объяснил это её роду очень правильно.

— Запомнил, — сказал он.

Старуха махнула рукой, будто прогоняла их.

— Тогда иди уже. И не помри так глупо, чтобы потом не было стыдно рассказывать.

Егор нервно хмыкнул, староста покачал головой, а Юлий впервые за утро едва заметно усмехнулся.

— Хорошее напутствие.

И они пошли дальше. У тропы их уже ждали двое мужчин из ночного караула. Оба выглядели так, словно рады были передать пост кому угодно.

— Ничего не случилось? — спросил староста.

— Ночью снизу вой шёл, — ответил один из них. — А под утро, вроде, стук. Мы не совались.

Юлий коротко кивнул.

— И правильно.

Он остановился у начала спуска и открыл сумку.

— С этого места слушайте внимательно. Ни один из вас не подходит ко мне ближе, чем я разрешу. Если земля зашевелится — не бегите вниз смотреть, а уходите назад к полю. Если услышите знакомый голос из оврага — молчите. Если увидите кого-то между деревьями — не зовите меня по имени, пока не убедитесь, что это я.

Фома перекрестился. Ратмир только крепче сжал древко короткого копья.

Староста спросил:

— А если оно попробует выйти?

Юлий посмотрел на овраг.

— Тогда мы узнаем, насколько хорошо его когда-то заперли.

Он пошёл первым. На дне оврага дневной свет почти не держался. Белёсый туман лежал между корней и влажной глиной, как и вчера, но сейчас в нём угадывалось какое-то ленивое движение — словно он ворочался во сне. Камень стоял на прежнем месте, мрачный, тяжёлый, с тёмными линиями свежего вскрытия. Поставленный ночью временный контур ещё держался, но серебряная нить заметно потускнела.

— Хорошо, что пришли утром, — сказал Юлий вполголоса. — Ещё одна ночь — и пришлось бы начинать с удержания прорыва.

Он опустился на корточки у края контура и приложил к земле прибор Аластора. Зелёная искра мгновенно качнулась и густо разлилась по стеклу. Потом начала пульсировать — мерно, как слабый больной пульс.

— Участок живой, — тихо сказал он. — Вернее, заражение здесь не просто осталось. Оно подпитывается снизу.

Егор стоял чуть выше, на склоне, и с трудом сдерживал дрожь.

— Это значит, дверь правда открывается?

— Не дверь, — ответил Юлий. — Пока только щель вокруг замка.

Он поднялся и указал Фоме:

— Соль сюда. Полукругом. Не доходя трёх шагов до камня.

А потом перевел взгляд на Ратмира.

— Воду пока не лей. Жди моего сигнала. — Тот кивнул и Юлий приблизился к старосте. — Следите, — сказал он, — чтобы никто не заговорил, если в тумане что-то почудится.

Работа началась. Сначала Юлий мелом обозначил внешний круг — широкий, неровный, охватывающий не только сам камень, но и наиболее тёмные участки земли вокруг него. Затем в четырёх точках вбил серебряные штыри, связал их тонкой нитью и положил между ними пластины очищения. Делал он всё быстро, без суеты, точно человек, который уже не раз стоял на границе между просто опасным и по-настоящему дурным местом.

Когда контур был готов, он велел Фоме подать соль. Вспомнив слова Варны, Юлий не стал сыпать её прямо к основанию камня. Он пошёл по краю круга, медленно вычерчивая солью второй рубеж — не защитный, а режущий. Белая линия легла на влажную землю, и почти сразу там, где под почвой клубилась скверна, соль начала сереть.

— Видите? — тихо спросил Юлий, не оборачиваясь.

— Вижу, — хрипло отозвался староста.

— Значит, язва расплзлась дальше, чем кажется. Сейчас будем отсекай внешнее.

Он поднял руку над солью и начал читать заклинание очистки — не громко, но чётко. Воздух в овраге дрогнул. Туман у земли пошёл рябью. Сереющая соль вдруг зашипела, словно её бросили на раскалённое железо.

А потом земля у дальнего края круга вздулась. Фома вскрикнул и попятился.

— Стоять! — резко бросил Юлий.

Из-под влажной почвы медленно проступила чёрная жидкость, густая, как смола. Она не била фонтаном — только сочилась, лениво, будто не хотела показываться на свет. Там, где капли касались соли, раздавался едкий треск.

— Вот оно, — тихо сказал Юлий. — Остаточный выпот.

Ратмир побледнел.

— Это кровь?

— Нет. Хуже. Не наступать.

Юлий вынул из сумки первую ампулу и, разбив её о камень у самой кромки чёрной жижи, отступил на полшага. Янтарная жидкость вспыхнула бледно-золотым огнём, не жарким, а сухим, почти бесцветным. Пламя пошло по земле кругом, будто повторяя начерченную солью линию.

Чернота забурилась. Из оврага потянуло такой вонью сырого погреба, тлена и железа, что Фома согнулся, зажимая рот ладонью. Егор побелел как полотно.

Староста же смотрел, не отрываясь, и пальцы его так вцепились в край плаща, что костяшки выступили сквозь кожу.

— Вода! — приказал Юлий.

Ратмир шагнул вперёд и плеснул из кувшина освящённую воду поверх загоревшейся линии. Раздался резкий треск. Огонь не погас — наоборот, стал ярче на один короткий миг, а потом ушёл вниз, под землю. И тогда камень дрогнул. Совсем чуть-чуть. Но этого было достаточно, чтобы все пятеро это почувствовали.

Не глазами. Ногами. Будто глубоко под оврагом кто-то медленно повернулся во сне. Фома выругался шёпотом. Егор судорожно перекрестился. А Юлий поднял голову и посмотрел на стёртые знаки на камне.

Они светились. Очень слабо. Но теперь древняя резьба проступала явственнее, чем раньше. И между старых линий стали заметны новые, те, что кто-то выжиг недавно, пытаясь сломать печать.

— Получается, очистка вытянула верхний слой грязи, — пробормотал Юлий. — Хорошо. Значит, основание ещё держит форму.

— Это хорошо? — сразу спросил староста.

— Для нас — да. Для того, кто хотел это вскрыть, — нет.

Он сделал шаг ближе к камню и опустился на одно колено. Теперь под пластом налипшей грязи и мха проступал рисунок, которого вчера он не видел целиком: старый знак запечатывания, сложный, многослойный, с тремя узловыми точками по краям. Центральная часть была надорвана. Но не разрушена.

— Кто-то работал грубо, — сказал Юлий. — Они нашли печать, поняли, где центр, и ударили туда, не развязав края. Из-за этого пошла утечка, но замок не распался.

— То есть сами себе помешали? — спросил Егор.

— Именно так.

Староста мрачно усмехнулся.

— Ну хоть в чём-то нам везёт.

Юлий уже хотел ответить, но в этот миг прибор Аластора у него на поясе резко затрещал. Туман внизу оврага дрогнул. Потом начал стягиваться к камню. Не быстро — плавно, как вода в воронку.

— Назад, — тихо сказал Юлий.

Никто не шелохнулся.

— Назад! Все!

На этот раз его послушались мгновенно. Сам он не отступил.

Он вытащил из сумки футляр с тёмной пластиной, но не открыл. Только положил его перед собой на землю, прямо на границу внешнего очищенного круга. Туман потянулся к футляру. Камень снова дрогнул. И из узкой трещины у его основания раздался звук.

Не стук. Не скрежет. Это был глубокий, глухой вздох, будто что-то под землёй почувствовало возвращение утраченного ключа.

По оврагу прокатилась волна холода. А на влажной земле прямо перед камнем медленно, одна за другой, начали проступать тонкие чёрные линии. Они складывались в контур. В очертание двери. Высокой, уходящей вниз, под землю.

Староста охнул. А Фома попятился так резко, что едва не оступился на склоне. Егор, наоборот, застыл как вкопанный, не в силах отвести глаз. Юлий смотрел на проявляющийся рисунок и понимал одно: они подошли не к началу заражения. Они подошли к порогу. И этот порог начинал отвечать.

Чёрные линии на земле проступали медленно, но неотвратно. Сначала — как трещины в сырой глине. Потом — как следы от угля. И уже через несколько ударов сердца они сложились в чёткий контур: высокий прямоугольник с заострённым верхом, будто дверной проём старого склепа, вдавленный в землю перед камнем. Линии были не нарисованы и не выжжены — они проступали изнутри, словно под верхним слоем почвы давно существовала чужая разметка, а теперь кто-то вспоминал её форму.

Юлий не двигался. Холод, шедший от контура, уже нельзя было назвать просто сыростью. Он проходил сквозь сапоги, через кости, под кожу. Это был холод пустоты — не зимы, не воды, а пространства, где не должно быть ничего живого.

За его спиной тяжело дышал староста. Фома тихо матерился одними губами, будто читал мантру. А Ратмир молчал, но сжал копьё так, будто в одном древке была вся его вера в порядок вещей.

Егор не выдержал напряжения и выдавил шёпотом:

— Это... это она?

— Нет, — ответил Юлий, не отрывая взгляда от чернеющего контура. — Это только след.

— След чего? — так же тихо спросил староста.

— Того, чем здесь запирали.

Футляр с пластиной лежал на земле в паре шагов от двери-рисунка, и туман тянулся к нему всё настойчивее. Он уже не просто стелился — он скапливался над футляром рыхлой белёсой массой, словно принимался.

Юлий медленно потянул руку назад.

— Никто не подходит ближе.

— А ты? — спросил староста.

— А я уже здесь.

Он присел на одно колено и осторожно, не открывая, придвинул футляр кончиком ножен чуть влево — к краю проявившегося рисунка, не в центр.

Сразу. Мгновенно. Чёрные линии дёрнулись. Не вспыхнули — именно дёрнулись, будто натянутая жила. Из-под земли донёсся глухой стук.

Один. Потом второй. И третий — уже ближе.

Фома попятился.

— Господин... господин маг, мне это совсем не нравится.

— Мне тоже, — сухо ответил Юлий. — Но, если не понять, где порог откликается, мы будем чистить вслепую.

Он убрал ножны, достал мел и быстро нанёс на земле ещё три короткие отметки: по бокам проявившейся двери и у нижнего края. Затем вынул серебряный штырь и вогнал его в левую метку.

Штырь вошёл наполовину — и резко зазвенел. Не от удара. Сам по себе. Звук вышел тонкий, протяжный, как если бы под землёй отозвался второй кусок того же металла.

Юлий замер. Потом медленно выдохнул.

— Вот оно.

— Что? — снова не выдержал Егор.

— Печать многослойная. Камень — только внешний замок. Под ним есть силовой каркас. И он ещё жив.

Староста нервно провёл ладонью по бороде.

— Это хорошо или плохо?

— Это даёт шанс закрыть всё обратно, не вскрывая глубину. Если, конечно, не опоздали.

Слово «если» никто не прокомментировал. Юлий вбил второй штырь справа. Потом третий — в нижнюю отметку. На этот раз земля отозвалась иначе. От чёрного контура двери вверх поднялся тонкий, почти прозрачный пар. Он был темнее тумана, плотнее воздуха и двигался так, будто в нём уже есть намерение.

Прибор Аластора на поясе Юлия затрещал громче. Зелёная искра внутри стекла сделалась густой, с болотным отливом.

— Ратмир, — не оборачиваясь сказал Юлий. — Если оттуда что-то выйдет, бьёшь только по моей команде. Копьё держи ниже груди.

— Понял.

— Фома, воду готовь. Но не лей, пока не скажу.

— Сделаю, не сомневайся, — уверенно произнес тот.

— Егор, староста — за внешний соляной круг. Если я крикну «вверх», бегом на склон. Не спорить.

Староста хотел что-то возразить, но в этот миг контур двери вздохнул. Именно так это и ощущалось. Не треснул, не заскрипел, не загудел. Будто из-под земли кто-то очень медленно и очень давно задержанный выпустил воздух.

Затем середина чёрного рисунка начала темнеть. Не вся земля — только пространство внутри контура. Оно быстро теряло цвет, будто в нём гас свет мира. Глина, камешки, корни — всё погружалось в мутную угольную глубину, пока не стало похоже на вертикальную лужу тьмы, лежащую не сверху, а под тонкой плёнкой реальности.

Юлий поднялся. Меч вышел из ножен мягким шёпотом. Огненный камень в основании лезвия вспыхнул алым.

— Не смотреть вглубь, — сказал он. — Ни при каких обстоятельствах.

Поздно. Егор уже успел кинуть взгляд в почерневший проём и резко пошатнулся. Юлий заметил это боковым зрением.

— Глаза вниз!

Парень дёрнулся, зажмурился и схватился за виски.

— Там... там будто ступени...

— Я сказал, вниз.

Юлий сам тоже не смотрел прямо в центр. Только по касательной, только на край, на поведение линий, на дрожь воздуха. И тогда из тьмы показалась рука. Не человеческая. Слишком длинная, тонкая, составленная будто из чёрных костяных прутьев, обтянутых полупрозрачной серой кожей. Пальцев было четыре, и каждый заканчивался не ногтем, а роговым шипом.

Рука медленно зацепилась за край порога. Потом появилась вторая. Староста выругался вполголоса. Фома всхлипнул так, будто сам не заметил.

Юлий, наоборот, успокоился. Когда ужас принимает форму, с ним уже можно работать.

— Не бить, — жёстко сказал он.

Из тьмы начала подниматься фигура. Она была примерно с человека ростом, но казалась выше из-за худобы и ненормально длинных конечностей. Голова — вытянутая назад, без волос, с чёрными провалами вместо глаз и узкой трещиной рта. На груди, под рёбрами, что-то тускло мерцало, как гаснущий уголёк.

Существо выбралось на четвереньках, будто сначала не помнило, как стоять прямо. Потом медленно выпрямилось. Туман вокруг него отпрянул.

Юлий сразу понял: это не та тварь, что приходила ночью в виде дымки. Эта была плотнее. Старше. Собраннее. Не хозяин — но и не просто выброс. Страж порога. Или то, что от него осталось.

Существо повернуло голову к футляру с пластиной. Потом — к Юлию. И заговорило. Его голос шёл не из рта. Он звучал как скрежет камня под водой.

— Ключ... вернулся...

Староста вздрогнул. Егор, всё ещё не поднимая глаз, прошептал:

— Оно говорит...

— Молчи, — отрезал Юлий.

Он сделал полшага в сторону, перекрывая существу путь к футляру.

— Кто ты? — спросил он.

Провалы глаз задержались на нём.

— Порог... держал... долго...

— Имя.

Тварь будто не сразу поняла вопрос. Потом с треском, словно ломающиеся ветки, выпрямила шею ещё сильнее.

— Страж... внешнего узла.

Юлий внутренне отметил каждое слово. Не врал ли? С такими сущностями вопрос сложный. Они могут говорить правду, но так, чтобы ты понял её слишком поздно.

— Кто пытался открыть печать? — спросил Юлий.

Тварь замерла. В груди под рёбрами тусклый уголёк на миг вспыхнул ярче.

— Слепые... с живой кровью... ломали... звали имя... не открыли.

— Чьё имя?

На этот раз существо не ответило сразу. Его голова дёрнулась к тёмному проёму за спиной, словно там было что-то, чего оно боялось даже теперь.

— Спящее... имя не будят.

— Морграт? — резко спросил Юлий.

И вот тогда тварь впервые отреагировала по-настоящему. Её пальцы вцепились в землю. Провалы глаз как будто углубились. А трещина рта разошлась шире.

— Не говори... на пороге...

Сзади кто-то шумно втянул воздух. Староста.

Юлий сжал рукоять меча крепче. Значит, Варна не ошиблась. И имя это было не случайным.

— Если ты страж, почему выходишь наружу? — спросил он. — Печать ведь должна держать тебя внутри.

— Держит... глубже, — проскрежетала тварь. — Внешний узел ранен. Я вытек... как дым... как зов... как голод.

Это объясняло многое. И ночную дымку. И подмену голосов. И то, что внешняя скверна в деревне расползлась очагами, а не единым валом. Перед ними был не полноценный узник, а его пороговый отблеск. Сторожевой слой, сорванный частичным вскрытием.

— Можно ли восстановить внешний узел без открытия глубины? — спросил Юлий.

Староста даже повернул голову к нему — будто не ожидал, что он будет говорить с этим. Но существо молчало. Потом медленно подняло одну руку и указало на футляр.

— Ключ... в ложный замок не вставляют... Только в живой.

— Говори ясно.

— Вернуть... в камень... связать края... напоить солью... сжечь грязь... Тогда затянется.

В голосе твари не было просьбы. Только констатация. Но Юлию не нравилось, как легко она отвечает.

— А что получишь ты? — спросил он.

Трещина рта будто дрогнула. Если бы твари умели улыбаться по-человечески, это было бы похоже именно на улыбку.

— Исчезну... или усну... Разницы нет.

— Врёт? — шёпотом спросил староста.

— Не знаю, — так же тихо ответил Юлий.

И в ту же секунду из тёмного проёма за спиной стража донёлся другой звук. Не стук. Не вздох. Голос. Глубокий, бессловесный, похожий на далёкий рокот каменного колодца. Страж дёрнулся так резко, что его плечи затряслись.

— Поздно... — проскрежетал он. — Оно слышит...

Чёрный проём внутри контура двери вдруг дрогнул и пошёл рябью. Юлий увидел это первым.

— Все назад! Вверх по склону!

Ратмир схватил Фому за плечо и буквально потащил наверх. Староста отшатнулся, увлекая за собой Егора, который всё ещё тяжело дышал и едва стоял на ногах.

Только Юлий не ушёл. Страж резко повернулся к тёмному проёму, и в этот миг из глубины вылетела тонкая чёрная нить. Нет — хлыст. Слишком быстрый, чтобы человек успел осознать движение.

Он ударил стража в спину, пробил грудь насквозь и вышел через тускло мерцающий узел под рёбрами. Существо выгнулось. Трещина рта распахнулась беззвучно. А потом его начало рвать изнутри на дым, пепел и чёрные хлопья.

Юлий метнулся в сторону, избежав брызг тьмы, и ударил мечом по самому хлысту. Огненное лезвие встретило сопротивление, как если бы он рубил мокрый канат, сплетённый из теней и жил.

Раздался визг. Не стража. Чего-то глубже. Хлыст дёрнулся обратно в проём, но меч срезал с него кусок. Тот упал на землю, забился, как отрубленная змея, и тут же начал прожигать траву.

— Вода! — крикнул Юлий.

Ратмир, уже почти на склоне, резко развернулся и швырнул кувшин вниз. Юлий поймал его одной рукой и выплеснул прямо на корчащийся обрубок тьмы.

Освящённая вода вспыхнула белым. Землю окатило паром. Обрубок скрутился в плотный узел и лопнул серым пеплом. А вот со стражем было уже кончено.

Там, где он стоял, теперь осыпалась чёрная крошка. Из всей фигуры уцелело только одно — тусклый камешек размером с орех, выпавший из грудной полости и лежавший на грязи.

Юлий заметил его сразу. Не раздумывая, он подцепил камешек концом ножен и отбросил за очищающий круг. В тот же миг проём в земле задрожал сильнее.

Глубина внутри него словно попыталась вытолкнуть что-то ещё. Юлий принял решение мгновенно. Не атаковать центр. Резать края.

Слова Варны вспыхнули в памяти так вовремя, будто старуха стояла рядом. Он сорвал с пояса вторую ампулу, метнул её не в проём, а в правый верхний край чёрного контура. Потом сразу — очищающую пластину в левый нижний. Янтарная жидкость вспыхнула. Пластина ответила ослепительным белым светом. Разные по природе силы ударили не в сердце двери, а в её надорванные углы.

Контур задрожал. Чёрные линии пошли трещинами. Из проёма рванул ледяной ветер, полный шёпота, стука, далёких голосов — будто за порогом сразу десятки глоток пытались заговорить, но ни одна не могла пробиться внятно.

— Сейчас! — крикнул Юлий.

Он выхватил футляр, распахнул его и, не касаясь руками, выбросил пластину прямо к основанию камня — в то место, где древние линии печати проступали ярче всего.

Пластина ударилась о землю. Подскочила. Прокатилась на палец. И замерла точно в узловой выемке, будто её действительно туда когда-то вставляли.

Камень вспыхнул. Старые знаки на его поверхности залились тусклым серебром. А чёрный проём в земле дёрнулся, как пойманный зверь. Юлий ударил мечом в воздух над ним, не рубя тьму, а завершая заклинание жестом.

— Сомкнись.

Слово вышло коротким, жёстким, почти злым. И что-то откликнулось. Сначала края контура пошли внутрь, стягиваясь. Потом почерневшая земля дрогнула, словно глубина снизу втянула собственный язык обратно.

Шёпот сорвался. Ледяной ветер оборвался. Чёрные линии вспыхнули в последний раз — и исчезли. Там, где секунду назад проявлялась дверь, осталась только мокрая, изрытая почва, камень со светящимися рунами и резкий запах озона вперемешку с сырой глиной.

Наступила тишина. Ненастоящая. Слишком внезапная. Юлий не опускал меч ещё несколько секунд. Потом медленно выдохнул.

— Не подходить, — хрипло сказал он.

Склон за его спиной молчал. Только после этого он обернулся. Староста стоял бледный как известь. Фома сидел прямо на земле, потому что ноги у него, видимо, отказались его держать.

Ратмир всё ещё сжимал в руке пустой кувшин, будто не понимал, как тот у него остался. Егор смотрел вниз огромными глазами.

— Оно... закрылось? — наконец выдавил староста.

Юлий перевёл взгляд на камень. Старые руны на нём постепенно тускнели, но не гасли совсем. Прибор Аластора тоже изменился: мутно-зелёная искра ещё дрожала, однако больше не рвалась в сторону земли как безумная.

— Внешний узел — да, — ответил он. — Но глубина жива.

— Что это значит? — спросил Ратмир.

— Это значит, что мы только что прижали крышку обратно. Но не вычистили то, что под ней.

Фома судорожно перекрестился.

— А эта... эта дрянь, что вышла первой?

Юлий посмотрел на россыпь чёрного пепла там, где стоял страж.

— Остаток привратника. Сторожевой слой. То, что держалось у самого порога.

— А то, что убило его? — тихо спросил Егор.

Вот на этот вопрос Юлий ответил не сразу. Он подошёл к внешнему кругу, не заходя внутрь, и кончиком меча подтянул к себе выброшенный ранее камешек, выпавший из груди стража. Теперь, когда опасность схлынула, вещь можно было рассмотреть.

Это был не камень. Это было ядро. Тёмное, матовое, с тонкой серебряной жилой внутри. Нечто вроде запирающего зерна, в котором ещё теплился остаток функции. Юлий поднял его щипцами и убрал в пустой футляр.

Только после этого сказал:

— То, что ударило из глубины, не хотело, чтобы страж говорил дальше.

Староста тяжело сглотнул.

— То есть внутри есть разум.

— Есть.

— И он нас услышал?

Юлий посмотрел на камень.

— Теперь — точно услышал.

Эти слова будто опустили на всех новую тяжесть. До сих пор беда была страшной, но безличной: туман, скверна, твари, проклятая земля. Теперь же за всем этим вставал кто-то

— пусть не вышедший, пусть запертый, но уже способный слушать, узнавать, пресекать. Не просто зло. Воля.

Староста медленно спустился на пару шагов ниже, но за соляной круг не зашёл.

— Что теперь делать?

— Укреплять периметр. Чистить деревню. И собирать всё, что возможно узнать о том, кто пришёл сюда до нас и пытался взломать печать.

— А сам овраг?

— Я закрою внешний контур жёстче, чем был. На время.

Егор наконец заставил себя спросить:

— А слово... которое вы сказали... Морграт... это оно?

Юлий помолчал. Потом ответил честно:

— Пока не знаю. Может быть, имя того, кто спит в глубине. Может быть, имя самой двери. Может быть, название узла или места на старом языке. Но одно ясно: это не просто страшилка для детей.

Он убрал меч в ножны и взял у Фомы мешок с солью.

— Работать можем?

Фома посмотрел на него так, будто хотел спросить, человек ли он вообще, раз после такого спокойно говорит о работе. Но всё же кивнул.

— Можем.

— Тогда слушайте. Сейчас мы не геройствуем. Мы консервируем рану. Мне нужны четыре плотных соляных кольца, два внешних знака отсечения, и никто не входит внутрь до моего разрешения. Даже если из-под земли начнут просить о помощи голосом родной матери.

Староста мрачно сказал:

— После того, что я видел, я и родной матери сначала бы не поверил.

— И правильно бы сделал.

Они провозились у оврага ещё почти два часа. Юлий заставил людей сыпать соль не сплошной массой, а по узлам, связал штыри серебряной нитью, залил две точки на склоне очищающим составом и поверх всего нанёс дополнительный круг на основе храмовой воды и пепла сожжённой пластины. Там, где раньше проступал дверной контур, земля теперь выглядела тёмной, но глухой. Как свежее зашитая рана.

Когда работа была закончена, Юлий поднялся на склон последним. Оглянулся. Камень стоял молча. Слишком молча. Но теперь хотя бы не отвечал.

На обратном пути никто не разговаривал почти до самой деревни. Лишь когда за полем снова показались крыши домов, староста негромко спросил:

— Если бы ты не закрыл это сейчас... что было бы?

Юлий шёл, глядя себе под ноги.

— К вечеру порог бы расширился. Ночью полезли бы не дымки, а плотные формы. Сначала по одной. Потом стаей. А через пару дней заражение пошло бы не пятнами, а валом. Земля вокруг оврага умерла бы первой. Потом вода. Потом люди.

Староста ничего не ответил. Ему, похоже, хватило и этого. У самых первых домов их уже ждали. Весть, как и следовало ожидать, разошлась быстрее ветра. Люди не подходили близко, но смотрели жадно, тревожно, с немым вопросом в глазах.

Юлий понял это сразу: теперь для них он был не просто магом из столицы и не учеником школы. Теперь он был тем, кто спустился к двери под камнем и вернулся обратно.

Староста выпрямился, оглядел односельчан и громко, чтобы слышали все, сказал:

— До вечера никто к оврагу не ходит. Даже близко. Работы по воде и колодцам начнём по указанию господина Юлия. И запомните: что бы ни слышали ночью — из дома не выходить!

Люди зашептались. Юлий же посмотрел поверх их голов туда, где за крышами и туманом пряталась роща. Он чувствовал это почти физически. Что-то в глубине не смирилось. Оно лишь отступило на шаг. И уже ждало, когда они ошибутся снова.

Глава 2. Метка под кожей

После оврага деревня смотрела на Юлия иначе. Не с доверием — до доверия здесь было ещё далеко. Но уже с тем тяжёлым, почти суеверным вниманием, с каким смотрят на человека, который вернулся оттуда, куда другим лучше не ходить вовсе. Люди расступались перед ним сами, замолкали при его появлении, а потом долго провожали глазами, будто пытались понять: он всё ещё один из живых или уже немного принадлежит той стороне, против которой встал.

Юлий к этому привык. Страх в таких местах всегда цепляется не только к беде, но и к тому, кто с бедой работает слишком близко.

К полудню он уже стоял у первого заражённого колодца. Это был тот самый южный, о котором говорил староста: круглый, старый, с потемневшим срубом и натянутой поперёк крышкой, прибитой наспех. Вокруг него земля пошла сизыми пятнами, а ведро, брошенное рядом, покрылось тонким налётом ржавчины, хотя сам металл был ещё крепкий.

Староста, Егор и Ратмир стояли чуть поодаль. Фома держал мешок с солью и явно старался не дышать лишний раз рядом с колодцем.

Юлий снял крышку. Изнутри сразу пахнуло сыростью, железом и чем-то сладковато-гнилым.

— Назад, — сказал он спокойно.

Даже староста отступил ещё на шаг. Юлий опустил вниз небольшой светляк в стеклянной капсуле. Тот качнулся на верёвке и озарил внутренние стенки сруба. Вода внизу была не просто мутной — она будто отливала серо-чёрным, как старая сталь под золой. На поверхности медленно плавали вязкие тёмные разводы.

— Глубоко зацепило? — тихо спросил староста.

— Не до самого источника, — ответил Юлий. — Иначе здесь уже никто бы не стоял. Но верхний слой заражён сильно.

Он достал из сумки длинную серебряную цепочку с тремя плоскими пластинами на концах, опустил её в колодец и замер. Пластины ушли в воду. Несколько секунд ничего не происходило. Потом снизу донёсся тихий треск. А ещё через миг вода в колодце словно дрогнула — не кругами, а вся сразу, будто что-то внутри неё попыталось проснуться.

Фома шумно сглотнул.

— Господин... она живая, что ли?

— Нет, — сказал Юлий. — Просто грязь здесь не лежит мёртво.

Он вытянул цепочку обратно. На серебре проступили чёрные потёки.

— Значит, будем выжигать слоями.

Работа шла долго. Сначала Юлий заставил людей вычерпать верхние вёдра воды и выливать подальше в заранее выкопанную яму, куда он уже насыпал соль и пепел. Каждый раз, когда очередное ведро выплёскивалось на землю, жидкость шипела, а в воздух поднимался тот самый металлический смрад. Потом он обработал стенки колодца раствором уксуса и храмовой воды, вбил в четыре стороны света серебряные штыри и связал их нитью.

Только после этого начал собственно очистку. Заклинание не было зрелищным. Ни вспышек, ни грома, ни столба света. Лишь медленный, тяжёлый труд: вытянуть из воды то, что в неё вьелось, заставить скверну подняться со дна, связать её, не дав разлиться дальше, и сжечь уже на поверхности. Но для деревенских и это выглядело почти страшнее любой битвы.

Когда Юлий поднял руку над колодцем, вода внизу закипела не от жара, а от внутреннего сопротивления. Тёмные разводы начали стекаться к центру, сворачиваться в нити, комки,

вязкие сгустки. Один из них всплыл особенно резко — чёрный, блестящий, похожий на кусок мокрой печени. Егор выругался и отвернулся. Ратмир, наоборот, подался вперёд.

— Не трогать, — сказал Юлий, даже не глядя на него.

Он бросил вниз очищающую пластину. Та коснулась сгустка — и тот вспыхнул белёсым светом, после чего развалился хлопьями чёрной пены. Так продолжалось почти час.

К концу работы Юлий выглядел так, будто сам вычерпал из колодца половину тьмы руками. Лицо осунулось, на висках выступила испарина, а голос, когда он велел опустить в воду проверочную нить, стал заметно глуше.

Но результат был. Вода всё ещё оставалась мутной, однако железный смрад ушёл. Чёрные разводы исчезли. На серебре больше не проступала чернота.

— Пить нельзя ещё сутки, — сказал Юлий, когда они снова закрыли колодец. — Потом проверю ещё раз. Но хуже уже не станет.

Староста посмотрел в колодец так, будто видел в нём не воду, а маленькую победу.

— Один есть, — сказал он.

— Один из нескольких, — поправил Юлий.

И они пошли дальше. До вечера Юлий успел обработать ещё два колодца, берег ручья у старой мельницы и маленький двор за домом пастуха, где земля до сих пор оставалась мёртвой после первого нападения тварей.

Всюду картина была похожей, но не одинаковой. Где-то скверна въелась в воду. Где-то — в корни травы. Где-то просто держалась пятном остаточного морока. Это и тревожило Юлия больше всего.

Заражение не расползлось само по себе, как разлившаяся краска. Оно держалось очагами, как если бы что-то невидимое касалось земли в разных местах выборочно. Значит, часть следов могла быть оставлена не утечкой, а переносом.

Не только овраг дышал скверной. Кто-то или что-то уже ходило между людьми. Эта мысль окончательно оформилась к вечеру, когда они вернулись к гарнизону.

Солнце так и не показалось за весь день. Небо к закату стало свинцовым, дома почернели, а тени между дворами налились сырой синевой. Люди спешили по домам раньше обычного. Никто не хотел задерживаться на улице.

Юлий собирался ненадолго запереться в своей комнате, обновить записи и проверить ядро, выпавшее из груди стража, когда услышал крик. Женский. Резкий.

Почти сразу за ним второй — мужской, уже не испуганный, а зовущий на помощь.

— Староста! Староста, сюда!

Все на дворе мгновенно обернулись. К воротам гарнизона бежал мальчишка лет двенадцати, запыхавшийся, белый как мука.

— Там... у Ждановых... Там Матвей...

— Что с Матвеем? — рявкнул староста.

Мальчишка судорожно глотнул воздух.

— Он биться начал! И мать говорит, у него под кожей чернота ходит!

Юлий уже шёл к воротам.

— Где дом?

— У северной улицы, возле кузни!

— Веди.

Дом Ждановых стоял у самого края деревни, там, где начинались огороды и сырой пустырь за ними. Во дворе уже толпились люди, но внутрь никто не решался зайти. Из избы слышался грохот, чей-то плач и тяжёлое, рваное дыхание.

— Все назад, — коротко бросил Юлий.

На этот раз послушались сразу. Он вошёл первым. В избе было душно, тесно и пахло потом, дымом и страхом. У дальней стены, на широкой лавке, лежал мужчина лет тридцати

пяти, крепкий, чернобородый, по виду кузнец или плотник. Двое соседей прижимали его за плечи, но держали с трудом: тело у него выгибалось в судорогах с такой силой, будто внутри рвался наружу кто-то ещё. Рубаха была распахнута, грудь и шея блестели от пота, а под кожей — Юлий увидел это сразу — действительно двигалось что-то тёмное.

Не пятно. Не синяк. Тонкие чёрные прожилки, будто густой дым заполз под кожу и теперь медленно полз по венам.

Рядом на коленях стояла женщина — жена, должно быть, — заплаканная, с синим платком на голове. На полу жался к печи маленький мальчик, перепуганный до онемения.

— Когда началось? — быстро спросил Юлий.

Женщина кинулась к нему.

— Час назад... нет, чуть раньше... Он с работы пришёл, сел есть, потом сказал, что ему холодно... а потом как схватится за грудь... а потом вот это...

Матвей дёрнулся так резко, что один из мужчин едва не отлетел от лавки. Изо рта больного вырвался хрип. И сквозь хрип — слово.

— Открой...

В избе сразу стало тише. Даже плач женщины словно оборвался сам собой. Юлий шагнул ближе.

— Матвей. Слышишь меня?

Глаза мужчины были открыты, но взгляд плавал, не цепляясь ни за что живое. Белки налились красным, зрачки дрожали.

— Матвей, — жёстче повторил Юлий. — Где ты был сегодня?

Ответ пришёл не сразу. Тело мужчины выгнулось, губы дёрнулись.

— У... кузни... потом... у ручья...

Чёрные прожилки под кожей двинулись выше, к шее. Юлий резко обернулся к старосте.

— Он работал у воды?

Жена ответила вместо него:

— Да! Они с братом колесо для мельницы смотрели... возле берега... а потом ещё ходили за дровами... Господин, он умрёт?

Юлий не ответил. Он уже видел достаточно. Это была не обычная порча от заражённой воды и не простое отравление остаточной скверной. Здесь тьма сидела глубже и двигалась слишком упорядоченно. Как метка. Как нитка, продетая внутрь.

— Все, кроме старосты, уходите, — сказал он.

— Но это мой дом! — всхлипнула женщина.

— Не сейчас.

В его голосе было что-то такое, что спорить она не стала. Соседи, тяжело дыша, отпустили Матвея и попятились к двери. Женщина подхватила ребёнка и вышла последней, всё ещё оглядываясь. Когда дверь закрылась, Юлий подошёл вплотную к лавке и положил ладонь Матвею на грудь.

Жар. Сильный. Но под жаром — ледяной след, как будто внутри тела лежала чужая тонкая проволока. Матвей зашипел сквозь зубы.

— Больно? — спросил Юлий.

— Холодно...

— Смотри на меня. Не вниз. На меня.

На секунду взгляд мужчины прояснился. Совсем чуть-чуть.

— Что со мной?..

— Это я и выясняю. У оврага сегодня был?

Глаза опять задрожали.

— Нет...

И тут же чёрная жила на шее дёрнулась, как маленький живой червь. Юлий прищурился.
— Ложь. Или не твоя.

Он отдёрнул рубаху ещё шире и увидел то, что искал: под ключицей, почти у плеча, проступал знак. Не выжженный снаружи. Будто проступивший изнутри. Незамкнутый круг и ломаные линии. Тот же символ, что был на пластине. Только мельче.

— Дерьмо, — тихо сказал староста.

— Да, — спокойно ответил Юлий.

Он достал из сумки тонкую серебряную иглу, коснулся ею кожи рядом со знаком. Игла почернела мгновенно. Матвей закричал. Не от укола. От чего-то другого — глубже, сильнее.

Его спина выгнулась дугой, руки судорожно вцепились в край лавки, а из горла вырвался уже не хриплый мужской голос, а двойной, как будто вместе с ним заговорил кто-то ещё:

— Нашёл... носителя...

Староста отшатнулся. Юлий не двинулся.

— Кто? — жёстко спросил он.

Тело на лавке затрясло.

— Ключ... ищет ключ...

— Кто поставил метку?

Матвей захрипел. Из носа у него пошла кровь. Чёрные жилки под кожей пульсировали всё быстрее.

— Не он... другие... с живой кровью... открывали... метили...

Юлий быстро посмотрел на старосту.

— В деревне был кто-то чужой до скверны. Не просто проходом. С доступом к людям.

Староста побледнел ещё сильнее.

— Я...

Он осёкся, будто что-то вспомнил.

— Что? — сразу спросил Юлий.

— За три дня до первого тумана у нас ночевали двое. Сказались дорожными мастерами. Просили воды, ночлега и путь на восточный тракт. Их пустили в пустующий амбар у кузни.

Юлий перевёл взгляд на Матвея. Кузня. Берег ручья. Жилая метка. Слишком много совпадений.

— Матвей их видел?

— Конечно видел. Он же и ключ от амбара носил, — выдохнул староста.

Тело на лавке снова дёрнулось. На этот раз знак под ключицей вспыхнул тусклым чёрным светом.

— Держи его! — бросил Юлий.

Староста, не споря, навалился на плечи Матвея. Юлий достал мел, быстро начертил на полу вокруг лавки кривой рабочий круг и вдавил по трём точкам очищающие пластины.

— Что ты делаешь? — сквозь зубы спросил староста, удерживая бьющегося мужчину.

— Либо вырежу метку, либо она прожжёт его изнутри и уйдёт обратно в ночь.

Он не был уверен, что успеет. Подобные вещи ставят не для убийства. Их ставят как привязку. Как маяк. Как способ видеть и, если нужно, дёрнуть человека изнутри в нужный момент.

Матвей оказался не случайной жертвой. Его носили, как оставленную в доме щепку от большого костра. Юлий положил левую ладонь на знак, а правой сжал серебряную пластину с режущей руной.

— Матвей. Слушай меня.

Тот уже почти не слышал.

— Если хочешь жить — не пускай это глубже в сердце.

Чёрная жила дёрнулась к груди, словно поняла сказанное. Юлий ударил магией сразу. Не наружу — внутрь.

Пластина в его руке раскалилась, руна вспыхнула белым, и знак под кожей будто ответил ей: незамкнутый круг на секунду проступил через плоть целиком.

Матвей заорал так, что за дверью ахнули женщины. Староста чуть не отпустил его.

— Держать! — рявкнул Юлий.

Из-под кожи у ключицы выступила чёрная жидкость. Не кровь. Гуще. Темнее. Она не текла — выползала нитями, как если бы кто-то вытягивал из тела мелкие корни. Запах в избе стал резким, горьким. Юлий не останавливался.

Белый свет пластины жёг метку слой за слоем. Тьма сопротивлялась: чёрные жилки на шее вздулись, поползли к лицу, Матвей начал задыхаться. На миг показалось, что сердце не выдержит раньше, чем знак вырвется.

Тогда Юлий сделал то, чего не хотел. Он сорвал с шеи амулет Клейна, сжал его в кулаке и направил через него короткий импульс силы прямо в центр метки.

Не свой обычный, ровный поток. Жёсткий. Ломкий. Почти как удар. Из-под ладони рвануло бело-золотым. Матвей вскинулся. Чёрный знак под кожей треснул. Настоящим звуком. Как тонкий лёд под каблуком. Потом из раны под ключицей выстрелил узкий сгусток тьмы — не дым, не кровь, а нечто промежуточное, живое, скользкое, как чёрный червь из спёкшегося пепла.

Он метнулся к двери. Юлий успел раньше. Призрачный меч блеснул на ползмагах. Лезвие с огненным камнем рассекло сгусток надвое. Обе половины ударились о защитный круг на полу и сгорели в двух коротких белых вспышках. Матвей обмяк. Староста, тяжело дыша, отступил от лавки на шаг.

— Жив? — хрипло спросил он.

Юлий прижал пальцы к шее мужчины. Пульс был. Слабый. Неровный. Но был.

— Пока да.

Он быстро обмотал рану у ключицы чистой тканью, смоченной уксусом и храмовой водой, затем отступил и только теперь позволил себе выдохнуть.

За дверью сразу загомонили.

— Господин!

— Что с ним?

— Можно войти?

— Жена — да. Остальные нет, — сказал Юлий.

Женщина влетела в избу почти сразу, рухнула рядом с лавкой, увидела, что муж дышит, и заплакала уже молча, уткнувшись лицом в его руку.

Юлий не мешал. Староста же смотрел на него с таким лицом, будто только сейчас понял настоящий размер беды.

— Это не просто заражение, — сказал он глухо.

— Нет, — ответил Юлий. — Кто-то заранее расставил здесь живые метки.

— Скольким?

Вот это был главный вопрос. Юлий оглянулся на дверь, за которой толпились люди, и почувствовал, как внутри всё неприятно сжалось. Если Матвей — не единственный, деревня уже носит в себе крючки той силы, что ломала печать.

— Узнаем, — сказал он.

Проверку начали сразу. Не потому, что было удобно. А потому, что до ночи оставалось слишком мало времени.

Староста собрал людей в гарнизонном дворе — по двое, по трое, без паники, под предлогом осмотра после заражения. Юлий встал в пустой конюшне, которую быстро расчистили под

временный пункт проверки. На стол поставили свечу, воду и серебряную пластину. Каждый входил, оголял плечо, шею, грудь или спину — там, где Юлий велел смотреть — и выходил.

Большинство были чисты. На некоторых он видел следы обычного касания скверны: сероватые полосы, остаточное охлаждение в тканях, слабый отголосок морока.

Но метка такого рода проявилась ещё у двоих. У старого мельника — почти стёртая, слабая, будто не прижилась до конца. И у девушки лет семнадцати, Дуни, дочери трактирщицы, — наоборот, свежая, тонкая, как живая нить, уходящая к лопатке.

Когда Юлий это увидел, он впервые за весь день по-настоящему разозлился. Не на тьму. На людей, что работали на неё. Нужно было подойти близко. Нужно было коснуться. Нужно было оставить знак, пока жертва ничего не понимает.

Дорожные мастеравики, которых пустили на ночлег. Или кто-то ещё, действовавший до них.

— Их изолировать, — тихо сказал он старосте, когда проверка закончилась.

— Всех троих?

— Да. Но так, чтобы деревня не взбесилась. Отдельная комната, охрана и никого без меня.

— А люди что скажут?

Юлий устало посмотрел на него.

— Пусть скажут спасибо, если к утру никто из них не начнёт разговаривать чужими головами.

Староста кивнул без спора. Теперь он уже не пытался смягчать правду. Ночь накрыла деревню снова быстро. Слишком быстро. Казалось, с момента, как Матвей захрипел на лавке, не прошло и пары часов, а тьма уже стояла за окнами, как вода за тонким льдом.

Юлий сидел в своей комнате, просматривая короткие записи о трёх носителях метки.

Матвей — ключ от амбара у кузни, контакт с чужаками.

Мельник — работал у воды, мог видеть или носить что-то, не понимая.

Дуня — трактир, еда, постой, разговоры. Ближе всех к чужим.

Связь была слишком явной. Кто-то не просто пришёл к оврагу и ковырял печать лопатой. Они готовили почву. Ставили живые якоря. Оставляли в деревне точки, через которые потом можно было бы наблюдать, влиять, дотягиваться. Юлий провёл рукой по лицу, закрыл глаза на секунду и вдруг отчётливо понял ещё одну вещь.

Если есть носители метки, значит, те, кто её ставил, могли оставить не только их.

Могли спрятать предмет.

Могли закопать ещё один знак.

Могли до сих пор иметь в деревне помощника.

В дверь быстро постучали. Не тихо. Тревожно. Юлий сразу поднялся.

— Кто?

— Егор! — раздался снаружи сбивчивый голос. — Господин, идите скорее! С Дуней что-то не так!

Юлий распахнул дверь. Егор стоял бледный, задыхающийся.

— Что случилось?

— Она спала... потом села... и начала говорить. Не своим голосом.

Юлий схватил меч и сумку.

— Идём.

Когда они выбежали во двор, над деревней уже висела тяжёлая, глухая ночь. А где-то далеко, со стороны рощи, едва слышно донёсся знакомый, мерный стук. Будто кто-то внизу снова терпеливо пробовал закрытую дверь.

Дом, куда временно перевели Дуню, стоял при гарнизоне — маленький, пустовавший флигель с двумя комнатами и узким коридором. Обычно там держали запасное бельё, сушили

травы и размещали редких приезжих писарей, но сейчас староста велел всё вынести и оставить только лавку, стол, кувшин воды и свечу.

Когда Юлий и Егор добежали до крыльца, у двери уже стояли двое солдат. Оба были напряжены так, будто за тонкой стеной сидел не человек, а волк, которого забыли посадить на цепь.

— Что внутри? — коротко спросил Юлий.

— Сначала просто сидела и смотрела в угол, — ответил один из солдат. — Потом начала шептать. Сама с собой. А потом голос стал... не её.

— Кричала?

— Нет. От этого только хуже.

Юлий кивнул и взялся за ручку.

— Никто не входит, пока не позову.

Он вошёл первым. В комнате пахло воском, холодным потом и чем-то ещё — слабым, еле уловимым, но уже знакомым: сырым камнем после дождя. Тем самым запахом, что тянул от оврага.

Дуня сидела на лавке у стены. Руки лежали на коленях. Спина прямая. Голова слегка склонена набок. При свете свечи она казалась совсем девчонкой — худенькой, бледной, с распущенной тёмной косой и слишком большими глазами. Но сейчас глаза были опущены, и в этой неподвижности чувствовалось что-то неестественное. Не истерика. Не болезнь. Ожидание.

У дальней стены стояла её мать — трактирщица, полная женщина с заплаканным лицом. Она прижимала к груди платок так, словно только это мешало ей закричать.

— Выйдите, — тихо сказал Юлий.

— Но это моя дочь...

— Именно поэтому выйдите.

Женщина всхлипнула, но подчинилась. Когда дверь закрылась, Юлий не стал подходить сразу. Он сперва оглядел пол, стены, окно, щели у порога. Потом достал мел и быстро начертил вокруг девушки неполный рабочий круг — не запирающий, а сдерживающий. В трёх точках положил маленькие очищающие пластины.

Только после этого произнёс:

— Дуня.

Девушка не ответила.

— Дуня, посмотри на меня.

Медленно. Очень медленно. Она подняла голову. И Юлий сразу понял: сознание там ещё есть, но держится как человек на тонком льду. Ниже — чужое давление, тяжёлое и холодное.

— Ты меня слышишь? — спросил он.

Губы девушки дрогнули.

— Да...

Голос был её. Почти. Но на последнем звуке что-то в нём неприятно хрустнуло, как сухая ветка под сапогом.

— Хорошо. Тогда отвечай. Когда тебе поставили метку?

Дуня моргнула. Медленно, с усилием.

— Не знаю...

— Подумай. Кто к тебе прикасался? Чужие. Те, что ночевали в трактире. Кто-нибудь из них?

Её пальцы едва заметно сжались.

— Один... взял за плечо... на кухне... сказал, я воду расплескала...

— Как он выглядел?

— Капюшон... серый плащ... руки... холодные...

Она вдруг резко втянула воздух. Под левой лопаткой, там, где Юлий уже видел след метки, ткань платья чуть дрогнула, словно под ней пробежала мышца. Но это была не мышца.

— Смотри на меня, — жёстче сказал он. — Не вниз.

Дуня подняла взгляд ещё выше. И в этот момент её зрачки стали шире. Почти чёрными. Голос, когда она заговорила снова, уже не принадлежал ей.

— Ты поздно пришёл, чистильщик.

Тон был ровным. Мужским. Слишком спокойным. Юлий не изменился в лице.

— Возможно, — сказал он. — Но пришёл.

Угол рта девушки чуть дёрнулся. Это не было её улыбкой.

— Ты закрыл внешний узел. Неплохо. Для ученика.

Юлий отметил слово. Не «мага». Не «чистильщика». Ученика. Значит, говорящий знал школу. Или, по крайней мере, её манеру работы.

— А ты, — тихо ответил Юлий, — слишком много болтаешь для человека, который прячется в чужом теле через кривую метку.

Дуня медленно наклонила голову в другую сторону.

— В чужом теле можно услышать много интересного. Деревенские страхи. Шёпот у дверей. Твоё имя.

— Моё имя ты и так знаешь.

— Теперь — да.

Воздух в комнате стал холоднее. Юлий положил руку на рукоять меча, но не вынимал клинок.

— Кто ты? — спросил он.

Несколько секунд Дуня молчала. Потом ответила:

— Тот, кто почти открыл.

— Имя.

— Имя — это власть. Ты ведь знаешь.

— Тогда назови хоть что-нибудь, что не боишься потерять.

Губы девушки растянулись чуть шире.

— Зови меня Искателем.

— Слишком громко для того, кто потерял пластину в кустах.

На этот раз эффект был. Совсем маленький. Но был. Веки девушки дрогнули, а под кожей на шее на миг проступила тонкая тёмная нить. Юлий мысленно отметил: попал.

— Неосторожность, — сказал чужой голос. — Бывает даже с теми, кто знает, что делает.

— Значит, вас было несколько.

— Было.

— Сколько?

— Достаточно.

— Сколько вернулось?

Молчание. Потом:

— Не все.

— Страж порога забрал кого-то из вас?

Чужой голос усмехнулся через её губы.

— Страж? Нет. Тот жалкий превратный остаток не способен забрать ничего, кроме глупца. Нет... одного из нас взяла сама трещина. Другой оказался слишком жадным. Третий — слишком медленным.

— А ты?

— Я оказался жив.

Юлий сделал полшага ближе. Не нарушая круга.

— И где ты сейчас?

— Не здесь.

— Но связан с метками.

— Да.

— Значит, недалеко.

В глазах девушки промелькнуло что-то злое.

— Ты думаешь грубо и прямолинейно. Как все ученики, которым впервые попадается настоящая древность.

— А ты думаешь, что я буду слушать тебя достаточно долго, чтобы ты успел глубже вцепиться в неё?

На этот раз чужой голос не ответил. Вместо этого девушка вдруг дёрнулась, будто её позвоночник на миг свело холодом. Под тканью на спине начало проступать тёмное пятно.

Юлий понял: связь усиливается. Либо говорящий слишком далеко и теряет контроль. Либо наоборот — уже тянется сюда. Нужно было говорить с ним жёстче.

— Что под камнем? — прямо спросил он.

Секунда. Две. Потом Дуня медленно подняла подбородок.

— Дверь.

— Это я уже слышал. Что за дверью?

— То, что должно было спать.

— Имя.

Лёгкая судорога пошла по её пальцам.

— Ты уже произнёс его однажды на пороге. Не повторяй.

— Морграт.

Свеча на столе погасла. Не задрожала. Не коптила. Просто исчезла, будто кто-то вырвал пламя из воздуха. Дуня захрипела, схватилась пальцами за край лавки, и чужой голос сорвался с её губ уже не спокойно, а резко, с досадой:

— Дурак!

Пол под ногами Юлия коротко вздрогнул. Из-под лавки потянулся иней. Но он не отступил.

— Значит, это имя всё-таки верное.

— Ты не понимаешь, — прорычал чужой голос. — Это не для человеческого рта.

— Тогда тем более стоило услышать твою реакцию.

Юлий быстро зажёл свечу от запасного огнива и сразу бросил в круг первую очищающую пластину. Белый свет вспыхнул у ног Дуни. Девушка вскрикнула — уже своим голосом. Но почти сразу снова заговорила не она:

— Не смей.

— Почему? Больно?

— Ей — да.

Вот это было сказано специально. Холодно. Точно. С расчётом. Юлий прищурился.

— Значит, ты держишь её не полностью.

— Пока нет.

— А собирался?

Молчание. Вот оно. Самое нужное.

— Ты хотел дожидаться ночи, — сказал Юлий уже утвердительно. — Когда порог сильнее, а метка глубже. Хотел говорить через неё дольше. Может, даже выйти через неё.

Чужой голос ответил не сразу:

— Ты догадливей, чем кажешься.

— А ты слишком самоуверен.

Юлий достал из сумки серебряную нить и нож с узким лезвием.

— Последний раз спрашиваю. Где ты?

— А если не скажу?

— Тогда вырву эту связь, и ты потеряешь сразу три метки, которые ставил неделями.

Дуня неожиданно рассмеялась. Не громко. Но от этого смеха стало очень не по себе.

— Нет, ученик. Если ты вырвешь связь грубо — девчонка умрёт.

Юлий замер на полудвижении. Чужой голос уловил это мгновенно.

— Вот так, — мягко сказал он. — Теперь ты понял, в чём разница между нами. Ты пришёл спасать. А я — открывать.

Юлий молчал. И молчал не потому, что испугался. А потому, что проверял сказанное на ощущение лжи. Нет. Не ложь. Именно в этом и была худшая часть. Метка у Дуни сидела глубже, чем у Матвея. Возможно, потому что её поставили раньше. Возможно, потому что через неё уже работали. Резкий разрыв действительно мог убить.

— Хорошо, — сказал Юлий наконец. — Значит, будем говорить аккуратно.

— Уже лучше.

— Что тебе нужно здесь, кроме двери?

— Знание.

— Чьё?

— Того, что под дверью.

— Ты лез в печать ради любопытства?

— Не ради любопытства. Ради перехода.

— Куда?

На этот раз Дуня подняла взгляд так, что по спине у Юлия будто провели тупым холодным ножом.

— Ты правда ещё не понял? — произнёс Искатель её губами. — Там не темница в привычном смысле. Там узел старой дороги.

Юлий ничего не сказал. Но внутри него всё сжалось. Старая дорога. Это могло означать многое. Междумирный проход. Погребённый магический тракт. Запечатанный канал переноса сущностей или силы. Если под камнем действительно не просто могильник, а узел перехода, всё становилось куда хуже.

— Ты врёшь, чтобы я отвлёкся на теории, — сказал он ровно.

— Проверишь сам.

— Может быть. А пока — как ты узнал об этом месте?

— Купленные записи. Сожжённый архив. Полуразобранная карта. Имя, которое старики уже не понимали, но всё ещё боялись. Этого бывает достаточно, если умеешь читать след.

— И ради этого ты травил деревню?

— Ради этого я использовал то, что было под рукой.

В голосе не было ни злобы, ни сожаления. Только факт. Вот теперь Юлий действительно почувствовал холодную ярость. Не бурную. Не слепую. Ту самую, которая делала его движения точнее.

— Понял, — сказал он.

— Что?

— Что разговаривать дальше бессмысленно.

Искатель, кажется, уловил перемену первым.

— Осторожнее, ученик.

— Я и так осторожен.

— Если сорвёшь связь неправильно, её сердце не выдержит.

— Поэтому я сорву не связь, — тихо сказал Юлий. — А канал на тебе.

Он действовал сразу.левой рукой швырнул вторую очищающую пластину в верхнюю точку круга. Правой — бросил серебряную нить так, чтобы та упала девушке на плечи петлём. А затем одним резким движением вынул меч.

Алое свечение клинка ударило по стенам. Чужой голос рявкнул:

— Нет!

Но было поздно. Юлий ударил не по Дуне. И не по метке. Он ударил лезвием по воздуху над её головой, точно туда, где чувствовал натяжение чужой воли — как невидимую струну, тянущуюся сквозь ночь. Огненный камень вспыхнул. Свечение прорезало связь. Не всю. Только верхний натянутый слой. Этого хватило. Дуня вскрикнула и рухнула с лавки на пол.

Из угла комнаты, где ещё секунду назад была лишь тень, вырвался тонкий чёрный дымный жгут. Он забился в воздухе, пытаясь снова найти её, но наткнулся на круг и вспыхнул белым. В тот же миг где-то далеко — очень далеко, но отчётливо — раздался искажённый человеческий крик. Не женский. Не деревенский. Мужской. Полный ярости.

Юлий застыл, вслушиваясь. Потом медленно опустил меч.

— Попался, — тихо сказал он.

Дуня на полу тяжело дышала. Живая. Бледная, мокрая от пота, с посиневшими губами, но живая. Значит, он угадал правильно: не ломать сердцевину метки, а отсечь активный канал сверху.

Он присел рядом, быстро проверил пульс и приложил два пальца к шее. Слабый, но ровнее, чем ожидалось. Дверь распахнулась. Вбежали староста, Егор и мать Дуни.

— Что здесь было? — выдохнул староста.

— Кто кричал? — почти одновременно спросил Егор.

Женщина упала на колени возле дочери. Юлий поднялся.

— Жива. Пока связь ослаблена. Но метка осталась.

Староста нахмурился.

— То есть он ещё может вернуться?

— Уже не так легко. И теперь я знаю, что он достаточно близко, чтобы тянуться сюда напрямую.

— Насколько близко?

Юлий посмотрел в сторону окна.

За стеклом стояла ночь. Спокойная только на вид.

— Либо в деревне, либо рядом с ней. Может, в заброшенном доме. Может, в лесу. Может, там, где у него остались записи или второй рабочий узел. Но после такого удара он не сможет сидеть совсем тихо.

Егор резко выпрямился.

— Так давайте искать!

— Ночью? — Юлий покачал головой. — Идти за человеком, который знает пороговую магию лучше вас всех вместе взятых, в темноту, где он оставил метки и, возможно, ловушки? Нет.

— Но он уйдёт!

— Может быть, — сказал Юлий. — А может, решит, что я побоюсь давить дальше, пока у меня на руках носители. И это будет его ошибка.

Староста медленно кивнул.

— Значит, утром?

— Нет. До утра ещё нужно дожить.

Он посмотрел на Дуню. Потом на её мать.

— Её нельзя оставлять одну. И окна завесить. Свечу держать до рассвета. Если заговорит снова — не отвечать, даже если будет звать родным голосом.

Женщина быстро закивала сквозь слёзы.

— Да, господин. Да.

Юлий повернулся к старосте.

— Мне нужен список всех мест, где могли останавливаться те двое. Амбар у кузни, трактир, сарай, старые дома, баня, всё. И ещё — кто их видел ближе всех.

— Сделаю.

— Егор, ты со мной.

— Куда?

Юлий посмотрел на тёмное пятно в углу, где оборванный канал ещё оставил после себя тонкий след холода.

— Искать, откуда он тянулся.

— Сейчас?

— Сейчас.

Староста вскинулся.

— Ты же сам сказал — ночью нельзя!

— За ним — нельзя. А за следом в деревне — можно, пока он не остыл.

Это была тонкая разница, но для Юлия — важная. Канал магической связи не исчезает сразу. После грубого разрыва он ещё некоторое время оставляет направление. Слабое. Рвущееся. Но если повезёт — достаточное.

Он подошёл к окну, вынул из сумки прибор Аластора и поднёс к месту, где тень в углу была гуще. Зелёная искра внутри стекла дрогнула и медленно, неохотно повернулась. Не в сторону оврага. И не вглубь леса. Она смотрела на северную окраину деревни. Туда, где стояли кузня, трактирный сарай и старый пустующий амбар.

Юлий мрачно улыбнулся.

— Ну вот, — сказал он. — Он не так уж далеко прятался.

Староста шумно втянул воздух.

— Думаешь, всё ещё там?

— Нет. Но там он работал. А это почти так же полезно.

Он убрал прибор и взялся за дверную ручку.

— И если повезёт, к рассвету мы найдём не только его следы, но и то, что он не успел унести.

Ночь за порогом была холодной и густой. Но теперь у этой тьмы появилось направление.